

ЕКАТЕРИНА РУБИНСКАЯ

Я ЗАСТРЯЛА,
ЧЁРТ ВОЗЬМИ...

Екатерина Рубинская

Псих

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42563291
Псих / Екатерина Рубинская: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-101181-9

Аннотация

Как быть, если окружающие считают тебя психом?

А если среди окружающих также есть и врачи, поставившие тебе в детстве диагноз? В таком положении находится главная героиня романа Алиса – эксцентричная девушка со странностями. Ей семнадцать лет, и она ищет себя, пытается понять, что делать со своей жизнью. Но возможно ли честно ответить себе на подобный вопрос? Особенно когда твой разум постоянно расставляет ловушки.

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Екатерина Рубинская

Псих

© Рубинская Е., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Часть 1

Добрый день. Я псих.

То есть нет, понятно, книги так никто не начинает, но я псих, и мне это можно. Вы привыкнете, я буду часто повторять это слово. Чтобы вам было проще, я могу писать слово «псих» с большой буквы, потому что чаще всего меня называют так. В сущности, это мое имя. Хотя, с другой стороны, мне на вас абсолютно наплевать и я буду писать слова так, как мне вздумается, и никак иначе, потому что вы уже знаете, почему. Тем более мне плевать, привыкнете вы к этому или нет, вас сюда никто не приглашал.

Почему я псих

Я не вижу необходимости давать эти нелепые разъяснения, но мой доктор сказал, что так будет лучше. Нет, разумеется, он не говорил «донеси до вселенной, почему ты псих». Он назвал это «историей гнева». История. Конечно. Хронология полетов тяжелых предметов в представителей человеческой расы. Диахронное исследование бранной лексики и ее акустических характеристик. Доктор уверен, что это все не я, что это мой гнев самовыражается, заставляя меня не хотеть спать ночью, хотеть спать утром, не хотеть пить таб-

летки, хотеть есть чипсы, пить газировку, убиваться в тренажерном зале до семнадцатого пота и бросаться на людей. По-моему, такая формулировка лишает меня права на самоопределение.

Вообще говоря, что удивительного – вон даже Холдена Колфилда уложили на кушетку, а ведь он по сравнению со мной первоклассник. Более того, он парень. Парням до определенной степени можно больше, чем девушкам. Парень подрался – молодец, рыцарь, шрамы украшают, etc. Девочки должны быть хорошими в любом возрасте. Что мальчикам можно с определенного возраста, девочкам с того же возраста становится еще больше нельзя. Это нехорошо – ругаться матом или залепить пощечину другой девочке, даже если эта девочка – последняя сволочь во вселенной, и пощечина – меньшее и далеко не самое эффективное, что ты хотела бы с ней сделать.

Кушетка

В эту игру играют двое: психоаналитик (П) и пациентка (п). Психоаналитик притворяется психоаналитиком, хотя на самом деле он усталый пожилой мужчина с внуками и сединой. Пациентка притворяется или не притворяется, для транзакционного анализа игры это не имеет значения.

П: Что ж, дорогая, давайте посмотрим, что у нас тут.

п: Где?

П: Что – где?

п: Где – тут?

П: Это фигуральное выражение. Милая, я уже говорил вам, что ваша страсть придирается к словам – один из симптомов подавленного гнева.

п: Я просто интересуюсь. Извините.

П: За что?

п: (победоносно) Что – за что? Вы придираетесь к словам.

П (недовольно): Хорошо, сразу перейдем к инциденту.

Молчание.

П: Ничего не хотите мне рассказать?

п: Совершенно ничего.

Молчание.

п: А. Вы о том, что меня хотят исключить из школы?

П: Вот, наконец-то мы начали общаться в конструктивном русле.

п: Не обольщайтесь. Вы еще не знаете, чем кончится разговор.

П: Я могу это предсказать.

п: Ваша фамилия Кончис?

П: Что?

п: А, да, правильнее Конхис. Или наоборот, я не помню.

Где ваши близняшки в нижнем белье?

П (укоризненно): И вы по-прежнему слишком много читаете.

п: По-прежнему.

П: Ну так что там с исключением? Это ведь не ваша вина?

п: Разумеется.

П: Тогда расскажите поподробнее, чтобы я мог с вами согласиться.

п: Мне не станет легче оттого, что вы со мной согласитесь.

П: Я должен понять вашу мотивацию.

п: Хорошо, я вылила на девочку стакан чая.

П: Кипятка.

п: Чай из автомата остывает небыстро, все претензии к производителю.

П: Что произошло до этого?

п: Она сказала, что мне пора лечиться.

П: А еще раньше?

п: Я пожелала ей здорового потомства и счастливой личной жизни.

П: В цензурных выражениях?

п: О нет.

П: Использование нецензурной лексики...

П и п:

(говорят хором) – это признак подавленного гнева! (Радостно улыбаются в камеру.)

Они, разумеется, не удивлены, что у меня проблемы с личной жизнью. Еще бы, мне ведь надо «перерасти». Родители пытаются впихивать меня в общество других лиц женского пола в надежде, что я собезьянничаю у них манеру красить глаза или просто заведу бойфренда, но этот номер не проходит. Я не выношу девушек. В школе и в университете учатся особенно невыносимые девушки. Они еще большие психи, чем я, если говорить откровенно, но их идиотизм возведен в ранг изюминки. Я так не умею.

Вы можете подумать, что я завидую другим девушкам, но я постараюсь показать вам, что это не так. У каждой из них свой дамоклов меч, если можно так сказать. Одна работает с утра до вечера, чтобы не бывать дома; если она не переспит с работодателем, ее уволят. Другая не переносит крик, но кричат у нее дома постоянно – мать-истеричка, отец-алкоголик. Третья вцепилась, как паучиха, в парня, который ей не нужен, который не нужен никому, но его радует даже иллюзия нужности. И они все красятся утром, как на парад, и идут учиться. Как будто в их голове есть место другому тексту, кроме постоянного самообвинения и обвинения других, как будто можно слышать другой голос, кроме голоса внутреннего критика.

Кстати, о внутреннем критике.

Псих выходит на охоту

Доктор говорит, что мне нужно научиться бороться с внутренним критиком. Он предлагает мне вести дневник гнева (это, по-моему, так же прекрасно, как и история гнева) – о, что будет, если я разрешу своему гневу вести дневник. Внутренний критик будет, пожалуй, делать записи в другой тетради. Черт, я ведь совсем забыла, что нужно подарить маленький блокнот в клеточку еще и внутреннему ребенку. Доктор будет рад. Множественное расстройство личности – это гораздо интереснее.

Сегодня мы с внутренним критиком почистили зубы, приняли душ, позавтракали. Он сказал, что я отвратительно готовлю. Я пожелала ему катиться в ту подворотню, в который он вырос. Позже он разнес в пух и прах мою новую прическу, уронил две тарелки и ключи – два раза.

Что действительно интересно во внутреннем критике, так это то, что у меня это не я. И даже не мои родители. Если к нам в группу или просто на мою орбиту попадает новый человек, я всегда чувствую, что не нравлюсь ему. В большинстве случаев, разумеется, я просто придумываю – людям редко когда на самом деле действительно интересно, что со мной происходит. Главное не это. Дело в том, что у меня в

голове тут же рождается сценарий возможного скандала.

Когда мы дурачимся с моими друзьями и орем во всю глотку глупости, эта новенькая вдруг говорит мне:

– Чего ты так громко кричишь? У меня уши болят от тебя.

И я – о ужас! – пасую перед ней, смущаюсь, втягиваюсь в свою раковину и сижу там до конца дня.

На самом-то деле этого не было, вряд ли это произойдет, но переживаю-то я *на самом деле*.

Преследовать внутреннего критика довольно тяжело. Во всяком случае, ты никогда не знаешь, какое именно слово (и чьим голосом произнесенное) заставило тебя разозлиться на себя и несколько раз хорошенько удариться головой об стену. У меня стойкое ощущение, что моя голова слишком велика для меня; это все равно что иметь у себя на шее постоянно кипящий, свистящий и плюющийся паром чайник.

Волшебные слова, которые бесконечно повторяет доктор: «Надо меньше читать». Иначе, думает он, мой внутренний критик не скакал бы, меня обличье каждые пятнадцать секунд, по бескрайним полям моего подсознания. Я пишу это и вижу его как наяву – огромный ушастый кролик, примерившись, перепрыгивает с полушария на полушарие.

Кстати, когда за день меня слишком измучат психотерапией, мне снится, что за мной гонятся гигантские ежи.

Что я уже только не пробовала в этой жизни. Медитация не работает – я из тех, кого йога не успокаивает, а раздража-

ет. Гештальт-терапия меня смешит. Цветовые тесты Люшера я каждый раз прохожу по-разному просто для того, чтобы позлить доктора. Была еще арт-терапия, и какое-то время мне даже было хорошо. Нас посадили в большую светлую комнату, дали бумагу и краски и сказали рисовать, что в голову придет. Буйные стали играть в психоделический пейнтбол, тихие молча возились с акварелью. Мне было скучно, и никакого вдохновения, чтобы рисовать, я не испытывала. Вместо этого я решила развеселить тихую сонную женщину в очках и с зубами кролика и нарисовать на ее листе бабочку, после чего она закатила такой крик, что меня под белые руки вытащили из комнаты и больше рисовать не пускали. Доктор сказал, что моя склонность устраивать диверсии неприемлема.

Видите, мне никто не верит.

– У меня огромные губы, – разочарованно говорю я, глядя на себя в зеркало.

– Не глупи, – говорит мама, – с твоим лицом все в порядке.

– Нет, не в порядке.

– Хочешь посоветоваться с доктором? Наверное, это все искаженное родительское зеркало. Даже не знаю, что мы сделали не так, – огорченно вздыхает она.

– О господи, – говорю я, – что, если я скажу «Мам, мне нужно пойти пописать», ты тоже предложишь обсудить это со специалистом? Мне дышать-то вообще можно? Почему

нужно столько внимания уделять тому, что я говорю?

– Заинька, ты ведь знаешь, что у тебя проблема. Мы над ней работаем.

– ТЫ над ней не работаешь. Тебя не кормят таблетками и не заставляют вымазываться краской с ног до головы.

– До чего с тобой сложно общаться! – снова вздыхает мама.

– Было бы проще, – говорю я, – если бы вы немного меньше думали обо мне и немного больше занимались своими делами. Надоело уже. Каждое утро одно и то же. Ничего объективного нет. «Мне не нравится моя внешность» – критик. «Я расстроилась, что пошел дождь» – подавленный гнев. «Меня сейчас стошнит от ваших сочувственных взглядов» – ярость! Я хоть за что-нибудь в этой жизни отвечаю?

Моим родителям и просто и сложно одновременно. Сложно – потому что у них психически неуравновешенная дочь. Еще сложнее оттого, что они сами себе это внушили. Просто – потому что все проблемы воспитания уже десять лет за них решают разные доктора. Я сменила их восемь.

Еду в автобусе.

Вы когда-нибудь обращали внимание, что заходящие в переполненный транспорт старушки всегда прицельно ищут жертв? Я такая жертва. При наличии сидящих мальчишек, парней и мужчин бабушка всегда целенаправленно стремится ко мне, чтобы прочитать мне лекцию о том, как безоб-

разно себя ведет молодежь и, разумеется, поднять меня. Это вызывает у меня припадки не потому, что я против бабушек, а потому, что у меня хронические боли в спине.

Так вот, я еду в автобусе и смотрю на стоящую неподалеку бабушку с сумками, у бабушки исключительно воинственный вид.

Хотя она даже не смотрит в мою сторону. Господи, как свински я себя веду.

Что обо мне думают все эти люди?

Пожилая женщина стоит, ей неудобно, а я, здоровая кобыла с расстроенной психикой и хроническими болями в спине, сижу.

А ну вставай немедленно.

«Криииииииииитик!» – радостно думаю я и всю оставшуюся дорогу поливаю напалмом внутреннего критика, который только было начал маскироваться под бабушек.

Как славно, лето кончилось, можно возвращаться в университет и продолжать сеять хаос. В университете меня все боятся – они, видимо, думают, что человек, который регулярно посещает психотерапевта, может ни с того ни с сего прыгнуть на люстру или еще что-то в этом роде; в общем, люди держат такую испуганную дистанцию, что иногда мне нравится этим пользоваться. Внезапно спросить у кого-нибудь что-нибудь и наблюдать, как этот кто-то делает без разбега

десятиметровый прыжок прочь по коридору. Это довольно весело, особенно когда больше нечем заняться. По правде говоря, именно сегодня у меня довольно паршивое настроение, даже гадости делать не хочется, и я знаю, что это неспроста. У нормальных людей все, как правило, случается наоборот – происходит какое-нибудь безобразие, в результате которого портится настроение. У меня, в отличие от нормальных людей, все вверх тормашками – сначала иррациональная мировая скорбь, потом двойки по контрольным, просроченные шоколадки в столовой, уезжающие секундой раньше нужного автобусы. Может быть, это тоже побочные эффекты таблеток? А не подать ли мне на них в суд за то, что ломают мою невинную юную жизнь?

Это было бы интересно – подать в суд на таблетки, думаю я, меланхолично бредя мимо своей кафедры; и вот тут-то долгожданная Закономерная Гадость, Обязательная После Ненормально Длинной Белой Полосы, настигает меня в коридоре. Закономерная Гадость выглядит как мой научный руководитель. Самый подходящий мне научный руководитель в мире.

– О, идите сюда, милочка, вы мне нужны, – говорит она, растягивая все гласные.

(Тех, кто найдет эти записи, на всякий случай приглашаю на мои похороны в ближайшие выходные. Опоздавшие могут просто поплакать у надгробия.)

Кушетка

В эту игру по-прежнему играют двое.

п. Доктор, запретите ей делать это, а?

П. Почему бы вам самой ей это не запретить?

п. (мрачно) Вы ее видели хоть раз в жизни? Она же меня проглотит не жуя.

П. А вы ее боитесь, это интересно.

п. Ничего тут интересного нет. И никого я не боюсь. Я просто не хочу, чтобы меня потом затаскали по судам за моральный ущерб или что-нибудь еще в этом роде.

П. А почему вы так уверены, что нанесете кому-то бред?

п. (как раненый зверь) ДОКТОР, да посмотрите на меня, кого я могу учить? И чему? Я хорошо умею с разбегу кидаться головой в стену, это, пожалуй, все.

П. (пишет в блокноте) Нет, это на самом деле интересно. Не помню, чтобы раньше вы кого-либо боялись. Я вас не узнаю!

п. Нет, слушайте, ну как мне еще вам объяснить разницу между страхом и логикой?!

П. Давайте по порядку. Еще раз. Что от вас требуется?

п. (мрачно) Дополнительно заниматься с какой-то малахольной.

П. Интересно.

п. Вот мне тоже будет интересно, когда меня посадят за рукоприкладство.

П. Кстати, а почему вы называете ее малахольной?

Я сижу в пустом маленьком классе, стол передо мной усеян сухими (то есть теперь уже влажными) салфетками, и я борюсь с желанием выйти в окно. Нет, по крайней мере в магазин за новой порцией салфеток мне точно придется выйти, иначе мы все здесь утонем. Моя зараза пахнет кошками и загадочно молчит. Другая – теперь, к сожалению, уже тоже моя зараза – ревет не переставая, потому что минут десять назад я попросила ее назвать ее любимую книгу. Я чувствую себя очень странно: по-моему, впервые в жизни я не самая неадекватная личность в комнате.

Блин, ну и как мне еще ее называть – эмоционально неустойчивой?

– У меня есть два основных тезиса, – говорю я повелительнице котов, выпроводив свою подопечную в туалет. – Во-первых, по-моему, она дислексик. Если это так, то ей надо к врачу. Во-вторых, еще немного такого общения, и к врачу понадобится мне.

– Делайте свое дело, – отвечает эта старая черепаха, то снимая, то надевая очки, – ваша задача подтянуть ее по литературе. Она совершенно не соответствует уровню моих занятий. Если так пойдет и дальше, то нам придется с ней распрощаться.

– Ну так давайте ускорим этот процесс. Распрощаемся побыстрее. Как она будет здесь учиться, если у нее от книг повышенное слезоотделение?

– Милочка, тренируйтесь, я в вас верю, у вас все получится, – одним непрерывным медленным треком увещевает меня она.

Ну конечно, думаю я, стерва ты чешуйчатая, ищешь повод поиздеваться только потому, что лень самой заниматься с ученицей. Так эта плакса хоть бы еще читать умела.

– А что мне будет, если я ее вдруг случайно убью?

– Вряд ли вас оправдают, – жизнерадостно говорит она, – но у вас же, как это... смягчающие обстоятельства... Может, придется в больнице немного полежать.

О нет.

Я забираю рюкзак и пулей несусь домой, пока они меня не догнали. Мне жизненно необходимо устроить кому-нибудь истерику.

Разговор с родителями

В эту игру играют родители (Р) и ребенок (р). Время и место абсолютно не имеют значения, потому что все равно все кончается одинаково.

р. Я...

Р. Милая, звонил твой доктор. р. Да, я...

Р. Он сказал, что есть какая-то конфликтная ситуация в университете.

р. Ну да, там...

Р. И что ты захочешь ее с нами обсудить.

р. Естественно, захочу. Мне нужно...

Р. Милая, имей терпение дослушать взрослых до конца, когда они к тебе обращаются.

р...

Р. Вот и славно. Он сказал, что в общем и целом вы с ним все обсудили, и он считает, что для тебя никакой угрозы в случившемся нет.

р. То есть...

Р. Он был довольно убедителен, и мы с папой склонны полагаться на его точку зрения. Доктор ведь не будет советовать плохого, да, милая?

р. (молча пинает кроссовкой стену)

Р. Так что ты хотела рассказать нам с папой?

Занавес.

– Ок, – говорю я наутро.

– Что «ок»? – интересуется мама, намазывая бутерброд маслом. – Мне не нравится твой жаргон, милая.

– Давно ли это жаргон, – бормочу я под нос.

– Я не расслышала.

– Не страшно, – говорю я, – просто не надо говорить с

филологом про жаргоны.

– Как скажешь, – покладисто отвечает мама. Она определенно ждет от меня акции протеста против насильственного репетиторства. Как бы не так.

– Я говорю «ок» к тому, что я согласна.

– Согласна быть учительницей? – подозрительно спрашивает мама, капая медом на стол.

– Давай только не называть это «учительницей». Омерзительное слово. Плохо пахнет, плохо одевается и не спит с мужчинами. Впрочем, ладно, все равно у меня есть условие.

– Какое же?

– Я больше не пью таблетки, – говорю я.

– Мне кажется, мы это уже обсудили.

– ВЫ – да, но вот только я не понимаю, почему ВЫ обсудили то, что отправляется в МОЙ организм.

– Девочка моя, – проникновенно говорит мама, – ты вряд ли в состоянии отвечать за свои поступки, поэтому...

– Поэтому вот то, что и требовалось доказать, – подытоживаю я. – Я в состоянии отвечать за свои поступки только тогда, когда это удобно вам и мировой медицине. А когда нужно пить химическую бесполезную дрянь, от которой меня рвет дважды в неделю и от которой я не могу писать, влюбляться и видеть цветные сны в программе телепередач, так это сразу меняет мое состояние. Не пойдет. Надоело. Короче, я бросаю пить таблетки и иду заниматься с умственно отсталыми. Если я кого-нибудь убью, привези мне мой плед

в тюрьму, там вроде холодно.

– Но если...

– Но если кто-нибудь из вас проболтается об этом доктору и он будет заставлять меня пить таблетки снова, или опять попытается положить меня в свой электрифицированный санаторий для овощей, я заявлю о совращении несовершеннолетней. Меня, то есть. Пусть меня у вас заберут и отдадут каким-нибудь пожилым лысым одуванчикам.

Пока мама обдумывает мой спич, я задаюсь вопросом, почему не сделала этого раньше.

– А, и еще, – говорю я, – не кроши мне таблетки в еду, мы это уже проходили. Представляешь, как меня будет плющить, если я еще и есть перестану?

Не знаю, как мама, а я себе это уже представила. Я не пью таблетки уже почти неделю, и теперь у меня есть на это официальное разрешение.

Прости меня, дорогой дневник, простите меня, доктор, простите меня, случайные читатели – это совершенно неприемлемо с точки зрения медицины, я каюсь, я готова приползти куда-нибудь на коленях, если понадобится, но между этими словами и предыдущими прошел месяц. Видите ли, я не из тех, кто в состоянии писать саморазоблачающие дневники на крышке унитаза, хотя я знаю, что многие так делают, и считают это героическим. Каждый сходит с ума по-своему, воистину.

Что-то символичное, однако, есть в том, что от сюжетной линии вы далеко не ушли: мое первое занятие, где оценки буду ставить не я, состоится только сегодня. Там были разные причины, я так всего и не поняла. Может, я выглядела слишком плохо даже для своей ученой рыбины, а может, моя ученица и вправду очень вовремя заболела, я не знаю. Меня мало это интересует. У меня в голове удивительно пусто, и я не хочу мешать этой восхитительной, прелестной пустоте.

Поэтому уже который раз я с умным видом и тетрадкой в руках сижу в маленьком классе, где обычно у нас проходят занятия по иностранным языкам; на носу у меня огромные черные очки. К сожалению, у меня нет делового костюма, поэтому маскарадный костюм психоаналитика удался лишь частично – кроме того, я ненавижу очки, я проносила их десять лет и больше не хочу, но чего не сделаешь от скуки.

Психологическая характеристика на студента(ку) Марселла * (да, черт, не спрашивайте, ее действительно так зовут)**

Студентка Марселла *** характеризуется преподавателями и студентами как отзывчивая и доброжелательная девушка, хороший товарищ. (Так всегда пишут, если нечего больше сказать. Видели бы вы мою характеристику – это покруче Генри Миллера, но я вам ее не покажу.) Испытывает, однако, определенные трудности в общении, с одной стороны, и

в усвоении учебных дисциплин – *с другой*. (В переводе на человеческий – не умеет ни говорить, ни читать.) Речь маловыразительная, невнятная, тихая. (На этом все.)

Собственно, наверное, там было что-то еще, но вытащить лист из папки чуть подалее мне не удалось, потому что в этот момент пришла секретарша и выставила меня с кафедры. Я пытаюсь понять, откуда могло взяться такое чудо природы. Ни в одной из соцсетей страницы у нее нет; я почти уверена, что есть розовый блог в сердечках «ах-мои-пони-мои-улитки-перышки-зефиринки», закрытый больше чем от всех пользователей. Если его нет в Интернете, то уж точно есть у нее под подушкой, и обязательно закрывается на замочек. Такие замочки открываются одним хорошим усилием, даже без пилки для ногтей – учась в школе, я вскрыла дневники всей женской части нашей параллели. Ничего интересного там не было, хотя я так надеялась найти родственную душу – кого-нибудь, кто тоже принимает наркотики и кому всегда не с кем поговорить, кроме психоаналитика. Кстати, за это мне ничего не сделали – и не сделали бы, даже если бы могли, потому что у меня есть справка, мне надо сочувствовать, меня надо поддерживать и т. п. По чести говоря, все просто спихнули на мальчишек: кому еще могут понадобиться розово-шоколадные секреты двенадцатилетних школьниц.

Какой-то толк в массовом взломе чужих дневников все-таки был – потому что благодаря этому я определенно знаю,

что у моей ученицы мозг девочки, учащейся в средних классах ближе к младшим. Без всяких намеков на переходный период.

Первая проблема, которая угрожающе нависла передо мной, – не знаю, как ее учить. Это не потому, что я умная, а она нет, или что-то в этом роде. У меня объективно очень быстрый процессор в голове. Двенадцатиядерный, наверное (мне по барабану, производят ли такие). Поэтому одна из вещей, которая меня страшно бесит – это когда люди соображают медленнее меня. Кроме того, когда я произношу что-нибудь типа «ну, возьми книжки, которые заявлены в списке литературы и... эээ...» – я на самом деле не знаю, что с ними дальше делать, с книжками-то. Я не готовлюсь к семинарам. Только если у нас дома вдруг отключили электричество. Или если я сижу в больнице в очень длинной очереди, и совершенно случайно у меня с собой в сумке конспект. Я принципиально не хожу в библиотеки, потому что мне ЛЕНЬ. Спрашивается, что я должна ей сказать? Для меня схема всегда одна и та же – возьмем, скажем, Средневековье: до вечера я хожу и ною, что змея опять задала нам нечто, чего в природе не может быть ни под каким видом; потом, когда критик начинает грызть голову, я лезу в шкаф в надежде найти там книгу со словом «средневековье» в названии. Потом совершенно случайно оказывается, что этот Хьюзинга крут и что я прекрасна, а все остальные в нашей группе идиоты. Это неправда, потому что идиоты – это слишком узкая специа-

лизация. Бывают еще придурки, имбецилы, извращенцы.

Поэтому мне нужно выяснить две вещи. Во-первых, какого результата от меня ждет змея; во-вторых – что она сделает со мной, если ничего не получится. А, да, и есть еще третьих. Подумайте сами – если змеища готова продать дьяволу любого, кто не успевает по ее предмету, то откуда вдруг такая любовь к сырым и убогим?

Как-то раз я захожу к ней на кафедру и говорю:

– Ээээ, помните, у меня занимается девочка ваша?

– Да, – радостно говорит мне она, – как ваши успехи, милое дитя?

– Ну, в данный момент мне нужно, чтобы вы поставили ей А.

– Дорогая, я с радостью это сделаю, если ваш труд действительно оказался более эффективен, чем мой.

Да никогда в жизни. Убей меня Господь, если так произойдет.

– Ну, понимаете, это нужно для, эээ, мотивации.

(Не думайте, что к моим симптомам добавилась умственная отсталость и что я внезапно стала забывать слова. Просто мне всегда выпадает счастье вломиться на кафедру именно в тот момент, когда все соберутся на обеденный перерыв, на консультации или еще там что-нибудь, и при появлении нового человека в дверях мгновенно бросают свои дела и слушают, с чем же он пожаловал. Я ненавижу нашу кафедру.)

– В общем, я хвалю ее, конечно, она делает, ммм, опреде-

ленные успехи, но, по-моему, уже и вам пришло время подключаться к воспитательному процессу.

Нет.

Нет, нет, нет.

Только не это и только не сейчас.

Ваш новый друг – подавленный гнев. В то время как мое сознание неосмотрительно вышло на перекур, подсознание вернулось домой злое, влезло на стульчик и сейчас начнет глосить. Вот почему психотерапевты предпочитают кормить его вкусными таблетками и вот почему в отсутствие оных оно слетает с катушек.

– То есть, понимаете, я уже три недели своей жизни трачу неизвестно на что. Чем вы там с ними занимаетесь на третьем курсе? У меня вообще появилось желание до него не дожить, до третьего курса вашего. Да кто в состоянии это все прочитывать вообще, моральные уроды, которых родители-садисты закрывают дома по вечерам? Блин, да откуда у нас должны появляться свои собственные мысли, если вы нас душите таким количеством чужих, и вообще...

Надеюсь, вы получили достаточно полное впечатление о моем темном попутчике, но если вы думаете, что за эту пламенную речь я была торжественно расстреляна педсоставом, то вы ошибаетесь. После слова «вообще» я элементарно разворачиваюсь и убегаю. Вот что-что, а ремонт помещения (который будет неизбежен, если мне под руку подвернется стул) в мои планы не входит.

Я неделю никуда не выхожу; вы не знаете, что такое ад.

Ад – это когда у тебя нет права закрывать за собой дверь комнаты. Она в любом случае будет распахнута. С криками, без криков, просто с тихим подозрительным шорохом *звонить в реанимацию или уже поздно?* Моя мама не верит, что бывают моменты, когда мне не хочется «об этом поговорить» (сколько можно говорить об одном и том же?). Иногда мне не хочется говорить вообще. Иногда хочется орать. Иногда хочется послушать громкую музыку. Самое главное, что этого бы хватило. Две, три минуты этого, и я могу нормально функционировать без таблеток.

– Что означает эта закрытая дверь? – иронически спрашивает мама.

– Эта закрытая дверь означает только то, что не надо ее открывать, – говорю я.

Мне просто нужен покой, покой и сон, а вместо этого у меня электрический свет, распахнутая дверь комнаты днем и ночью; мои редкие телефонные разговоры внимательно слушают, поэтому я даже не стараюсь понижать голос. Упреждая ваши вопросы о моей плохой наследственности – мои родители не чокнутые, но вы поставьте себя на их место, а я отдохну пока. Я себя ставить на их место смертельно устала.

– А-а... Алиса?

– Ну кто еще это может быть, – устало говорю я, – это же мой мобильный. Проблемы?

– Нет... то есть... нет, вообще-то нет. Все нормально. Все хорошо. Я просто хотела...

Я даю ей собраться с мыслями секунд тридцать, потом она наконец выдает:

– В среду у меня день рождения.

– Круто, – говорю я, – только, по-моему, поздравлять заранее как-то нехорошо...

– Нет, я не поздравлять... то есть... В общем, приходи ко мне домой. Праздновать.

Я? Домой? Праздновать?

– На всякий случай напоминаю, что я твой злобный репетитор из университета, а не какая-то другая Алиса, милая и добрая, за которую ты меня приняла.

– Я знаю, – уныло говорит она. Странно.

– Ну раз знаешь, тогда ради бога. Напишешь, когда и куда мне приходиться.

Она прощается и вешает трубку, а я еще раз думаю, что это странно.

Странности, собственно, начались некоторое время назад. На мой день рождения Марселла (кто ей вообще сказал, что у меня день рождения?) пришла на занятие с маленьким розовым пакетиком, в котором лежала маленькая розовая коробочка, в котором лежали маленькие черные (простите, я против художественного вымысла – кстати, если дневник ведется в терапевтических целях, то его автор имеет право приукрашивать детали? У кого бы узнать?)... да, маленькие

черные наушники, которые носят на голове для тепла. Вязаные и местами пушистые.

– Спасибо, – сказала я, хотя мой речевой аппарат хотел совсем не этого, – здорово, конечно, но... как бы это сказать... без подарков можно было бы обойтись.

– Тебе не нравится?

Черт возьми, я обидела девочку-аниме. Позор на мои седины.

– Да нет. Наоборот, это очень красиво и круто вообще.

Это и вправду было очень красиво, но я даже не знаю, с чем такое носить.

– Просто понимаешь, это, эммм, дорого и все такое прочее.

– Нестрашно, – говорит она мне, – у меня есть еще. В этом я совершенно не сомневаюсь.

В моем мире, однако, мало места розовым девочкам, любящим пони – даже если они дарят мне черные наушники, которые я надела и не снимаю.

Аудиокассета 17

Почему они все говорят, что нужно смотреть вперед? Кто это сказал? Что у меня впереди? Мне семнадцать лет, я провела выпускной бал в санатории для умственно отсталых. Я уже никогда не влюблюсь в кого-нибудь пятнадцатилетнего. У меня уже не будет школьной любви. Я не буду играть в

школьной постановке. Неважно, хочу ли я этого, – у меня даже нет возможности, просто нет возможности. Вы считаете, что этого мало? Это потерянное время. Это просто потерянное время. Неизвестно на что. Скажите, что я могу сделать сейчас?

(Шорох пленки.)

Ждать. (Смех.) Офигенно. Ждать. Вы вообще слушали, что я тут говорю?

Дома у Марселлы, как я и ожидала, есть рояль, пушистые ковры и домработница. Мы сидим на полу, и у нас что-то вроде китайского (кто еще пьет чай на полу?) чаепития. Я всю голову себе сломала с подарком, но придумала кое-что очень конструктивное. Убийство целого стада зайцев за раз.

Мы чокаемся чаем и обсуждаем «Красное и черное», потому что... а, вот почему, вы же еще не знаете новость века – змея сломала ногу. Это само по себе классное выражение, но это круто еще и тем, что уже месяц ни у нас, ни у кого бы то ни было еще нет семинаров, поэтому я была баклуши. Она вернется в следующую пятницу, в этот проклятый день по расписанию пары и у нас, и у Марс – но если первое меня мало беспокоит, то вот за второе я реально могу получить по шапке. Или по наушникам, что принципиального значения не имеет. За это время я успела вдрызг разругаться с одной педагогической дурой...

(На спецкурс нас ходит мало, я сижу на второй парте, первая парта занята. Я сижу одна. Педагогическая дура считает, что сделала нам большое одолжение, придя к нам на пару в шесть вечера; мы сонные и молча шевелим ручками, а она каждые три секунды дергает нас. А, пишите, Бэ, пишите, Вэ, вы меня слушаете?)

Когда дело доходит до меня, я прихожу в восторг от апофеоза здравого смысла в ее словах.

– Ну вы сидите от меня далеко, и мне все время кажется, что вы разговариваете.

– Ну, – говорю я, – вы тоже сидите от меня далеко, и мне все время кажется, что вы не преподаватель.

Пока она открывает и закрывает рот, я делаю вид, что это не я.)

...и понять, в свою очередь, что я сама не меньшая дура в плане педагогики.

Короче говоря, пару дней назад я подумала, пошла и потребовала себе поездку на бог знает какую конференцию бог знает куда – потому что она была в среду, предполагала культурную программу на четверг и отъезд домой в пятницу. Железное алиби. Железнее не бывает. Не удивляйтесь, мне все вс, дают по той простой причине, что никому не хочется быть похороненным под грузом справок о моей аномальной психической активности (или, как минимум, слушать полтора часа, как я разоряюсь на темы гражданских прав челове-

ка). Кроме того, на конференции у нас ездят реальные психи. И участвуют в них, насколько я знаю изнутри эту вакханалию интеллекта, тоже далеко не адекватные люди. Поэтому мне там самое место.

А теперь почему я так горда собой – у меня там, собственно, ДВА места. На меня и на научного руководителя. Вы же помните, где мой научный руководитель? Боюсь, что со сломанной ногой она будет еще больше похожа на Мефистофеля. Справки и командировки как-нибудь замну, главное, что у меня есть два хороших и бесплатных билета черт-те куда, где хорошо и трехразово кормят и даже иногда развлекают.

Итого: я решила вопрос со взаимностью подарка, мы обе пропускаем пятницу, нам за это ничего не будет, я отдохну морально, а Марс получит документальное подтверждение того, что некоторые люди способны говорить связно больше десяти секунд подряд.

И я целых два прекрасных, замечательных, благословенных дня не буду дома, я буду видеть людей, которые ничего про меня не знают и которым нет до меня дела. Иногда это неопишимо круто. Теперь надо придумать, что ответить доктору на вопрос, который он мне непременно задаст. Убедительно врать на эту тему я не могу.

Может, зря я бросила таблетки.

Часть 2

Мои предки посадили нас на поезд, предварительно дав мне понять, что в случае чего за Марселлу несую ответственность я, потому что они не желают разбираться с ее родителями и проч., проч. Как будто мы едем испытывать атомную бомбу. Худшее, что я когда-либо делала на научной конференции – это предложила оппоненту отправляться вон из науки, да и то потом мне стало его жалко. Это было еще в школе, и он был такой же салабон, как и я. Что тут толку от того, что я ору громче. Но эти проводы были почти похожи на что-то человеческое. Впервые в жизни меня не запихивали в поезд насильно или наоборот, я не ехала куда-нибудь тайно, выйдя из дома за пакетом молока.

– Мы же тебя любим, – всегда с ужасом говорила мама, когда меня где-нибудь находили (что случалось редко).

– Может, вы меня и любите, – отвечала я на слезе, потому что мои таблетки делали меня сентиментальной, – но в основном вы на меня давите. И скоро раздавите совсем. Не хочу себя чувствовать Пинком Флойдом, которого пожирает родная мать.

(Весь следующий вечер они с папой смотрят и конспектируют «Стену». Ха-ха, класс.)

Родители растроганы и напряжены, Марселла путается в лямках рюкзака, билетах и волосах, а я не нервничаю. Все

начинается хорошо. Хотя это как раз скорее повод задуматься. Вы же знаете, что хорошее начало применительно ко мне – это очень, очень подозрительно.

В поезде я была, можно сказать, счастлива – если бы это все еще было физически возможно. По сравнению с другими людьми, у которых от большого количества таблеток начинается ангедония, мне еще повезло, потому что иногда какие-то порывы счастья долетают и до меня. Как штормовая погода. Мало, конечно, но с другой стороны – вот вы спросите кого-нибудь, счастлив ли он сейчас – если он ответит «да», то он идиот, потому что уже за время произнесения слова «да» флюиды счастья выветриваются к чертям; ну а если нет, то мы видим эффективную работу Капитана Очевидность. Быть счастливым – испытывать боль от потери того, чего у тебя никогда не было. Как-то так.

– Ой, – говорит Марселла вдруг. Мне интересно, скоро ли она заметит что-то подозрительное. Например, то, что перед отъездом я послала ее делать реверансы перед родителями, а сама вытрясла у нее из рюкзака плюшевую розовую чушь, которой там было девяносто семь процентов. Вместе с дневником в бисерной обложке – она не я, нечего записывать все подряд. Тем более то, что она пишет... ладно, будем делать вид, что я хорошая девочка и больше не читаю чужие дневники.

Конечно, ей ничего не остается, кроме как достать «Красное и черное» и попросить еще чаю. Лично я, пока не сядет

батарея, буду слушать «Смитс». Вы должны знать, как это здорово – слушать «Смитс» в поезде, когда тебя и так укачивает (да, не надо смеяться, меня иногда укачивает в поезде. Меня и просто так иногда укачивает).

Ночью я вспоминаю, правда, что у меня есть еще одно дело (Марселла уже сопит в две дырочки, но закладка на семидесятой странице, и это прекрасно), и достаю нетбук.

Письмо старой знакомой, которую зовут так же, как и меня

Время от времени ты оставляешь какие-то ядовитые записи в своем блоге – я думаю, ты определенно знаешь, что я его читаю, выяснить это не такая уж большая сложность. Большая сложность, дорогая моя, это оформить твой яд в осмысленные предложения и адресовать их лично мне. Я понимаю, что это трудно, что это не все умеют. Но, заметь, я сейчас пишу это тебе в личку, а не вывешиваю в собственном блоге. Это не потому, что я такая крутая, просто я уже переросла желание публично обнажаться. Тем более делать вид, что это совсем не публично, просто бумаги и ручки в доме не оказалось.

Если ты хочешь честности, хорошо, пусть будет честно. Я захожу в твой блог с единственной целью – еще раз порадоваться, что не стала такой, как ты. То, что и как ты пишешь,

меня умиляет и пугает до крайности. Тебе семнадцать лет, как и мне, но ты похожа на старую деву, обиженную миром до предела; ты всех судишь, до всего тебе есть дело, на все у тебя есть собственное мнение, злое и резкое. Я тоже была бы такой, если бы не сама-знаешь-кто. Возможно, провести месяц в клинике – сомнительная альтернатива превращению в ворчливые синие колготки (прости, но чулок – это слегка излишне сексуально); да, мне никогда в жизни не было так плохо, но по крайней мере, я никому не вру. И мне есть что вспомнить – без ярлыка «куда катится мир». И если мне плохо – я кричу, пью таблетки, не пью таблетки, иду или не иду к врачу, иду плакать в подушку, иду плакать в парк вместо занятий. Может быть, это звучит банально (в любом случае я это как-нибудь переживу), но я что-то предпринимаю и никого не виню, потому что никто не виноват.

И еще – на самом деле меня в твоих писаниях коробит единственная вещь (то, что ты срываешь на мне плохое настроение, можно легко простить). Не надо говорить, что весь мир дурдом. Ты там не была.

Мы приехали на вокзал, потом полчаса колесили в такси в поисках гостиницы, в которой нам нужно было поселиться до двенадцати ноль-ноль. С семи утра мои родители успели позвонить уже четыре раза, когда телефон был включен, и еще четырнадцать, пока он был выключен. Лучше бы я его и не включала – мы могли бы рассчитывать на мировой ре-

корд. Марселла липнет ко мне с вопросами, чего я терпеть не могу, потому что а) красивые далекие города нужно впитывать самостоятельно; б) я не энциклопедия; в) у нее тоже есть органы зрения и слуха, больше ничего не надо.

Потом все резко стало плохо.

Точнее, вы можете расслабиться, с вашей точки зрения, все может быть совсем и не плохо, а очень даже хорошо. Но это кому как. Во всяком случае, в очереди на регистрацию в гостинице я точно поняла, что если лично мои органы зрения меня не обманывают, мне надо срочно обратно на вокзал – потому что в двенадцать ноль два отходит пригородный поезд, и я как раз успею под него броситься.

Блин, почему, когда мне кажется, что я вижу Райдера, я никогда не ошибаюсь?

И мне, честно говоря, все равно, если вы сейчас офигеете. Да, у меня есть большая и роковая любовь, которую я знаю с пяти лет; да, наши родители считают, что мы поженимся; да, она сейчас торчит в той же очереди в стае каких-то не зарегистрированных мной женщин. Или женщины, как всегда, стоят отдельно, а мое воображение дополняет ими Райдера. Неважно. В любом случае Райдер – это опухоль мозга.

Кстати, к слову «поженимся». Когда моя мама видит меня на кухне, у нее начинается страшный педагогический зуд и припадки педантизма одновременно. Ей все равно, что этот бутерброд не представляет собой эстетический объект, что я через десять секунд после приготовления сжую его, и мне

при этом будет абсолютно все равно, как он выглядит.

– Твой будущий муж не заслуживает такой хозяйки, – вздыхает мама.

– Мам, да меня вообще мало кто достоин. Ни у кого в мире больше нет такого количества справок и предписаний, а я не хочу, чтобы на мне женились по расчету.

Мама выразительно молчит.

– И вообще, – говорю я, – я не настроена выходить замуж.

– Интересно, почему? (Сарказм. Читай: кому такая нужна?)

– Потому что еще одного человека, который проверяет толщину масла на моих бутербродах, я не перенесу.

Я много чего не перенесу.

Он два года молчал, а потом вдруг у меня в блоге появилась песня Dapche Mode – All I wanna do is see you again.

Это было примерно месяц назад. Просто песня?

Память о том, что я люблю «депешей»? Просто-просто песня вообще без подтекста? С подтекстом?

С явным подтекстом?

Блин, читатели, послушайте ее, пожалуйста, и скажите мне, что он имеет в виду.

Он единственный, из-за кого я могу опять начать пить таблетки. Еще он единственный, о ком ничего не знает мой психотерапевт. То есть, наверное, он видит, что есть какой-то вирус в системе, но его хитрые вопросы не работают.

– Мне... тяжело без дневника, – говорит Марселла стеснительно. – Как без части тела.

– Ты там пишешь ерунду, – уверяю ее я, методично отрывая от лужайки травинки то там, то сям. – На ерунду не надо тратить время.

За что я люблю этот город, так это за парки. Вы помните, что я люблю плакать в парках? Тут есть озера, в которых плавают лебеди, и вообще, я была бы рада, как здешние студенты, ходить через парк с озерами в университет. Не через шоссе, и шоссе, и шоссе, и жилые кварталы, и шоссе. Мне тут так хорошо, что я даже немного задыхаюсь. Много солнца, люди, деревья. Я боюсь, правда, что за каким-нибудь из них увижу Райдера. Увидеть его на самом деле и подумать, что увидела – для моей больной головы однофигственно. В любом случае буду мучить себя. Уже это делаю.

Перестань, критик, заткнись. Со мной все в порядке. Я в это не верю, но это совершенно не твое дело. ЗАТКНИСЬ.

– А ты никогда не писала дневник? Вроде же, ну... обычно...

– Психически больным надо писать мантры каждый раз, когда они хотят схватиться за автомат, – продолжаю я. – Нет. Я не пишу, во всяком случае. У меня паранойя.

– Понятно, – говорит Марселла, глядя на лебедя, который вразвалочку пересекает остров.

– Я писала когда-то, – внезапно говорю я. – Когда было

совсем плохо. И какое-то время назад я достала эти несколько тетрадок и прочитала, потому что до этого я боялась. Думала, что там что-то страшное. А там такая ерунда. «Меня никто не любит. Все сволочи. Все дураки. Ааааа. ЫЫЫ». Я даже расстроилась.

– Почему?

– Потому что такая дура была. Я так надеялась всегда, – говорю вдруг я со слезами в голосе (если б только этот чертов Райдер не появлялся здесь), – что я там найду какой-то ответ. И успокоюсь. Что там будет написана какая-то причина, о которой я забыла. Что я какое-то послание оставила себе. Делать так-то. Не быть такой-то. А там...

Характерно, что говорю я, а плачет Марселла.

– Чего ты-то рыдаешь?

– Ты такая хорошая и такая несчастная, – ревет она.

– О господи, – говорю я, – а я-то думала, ты плачешь над нашей змеищей, которая сейчас пытается доказать на кафедре, что она никуда никого не посылала.

Игра «Я пытаюсь помочь науке»

В игру играют двое: докладчик (Д) и слушатель (С). Важно помнить, что у слушателя совершенно искреннее отношение к происходящему, и его поведение ни в коем случае не является издевкой или троллингом.

Сценарий:

1) Д (читает доклад)

(Поведение С в это время различается в зависимости от типа С. Первый тип наивен и искренен, в прослушиваемом тексте ничего не понимает, но очень хочет сделать приятное докладчику и спросить у него что-нибудь. Второй тип – скептик, интеллеktуал, в прослушиваемом тексте тоже, как правило, ничего не понимает, потому что выкопал вглубь только свою собственную узконаправленную тему.)

С1: ловит в потоке речи знакомые слова. Вопрос рождается из ассоциаций. Если в докладе, например, звучит фраза «построенный по модели произведений Баха», Д может остерегаться застенчивого «Любите ли вы Баха?»

С2: вопросы приходят к нему из космоса.

2) Когда Д дочитывает доклад, С задает ему наивный вопрос\вопрос из космоса.

3) С выигрывает.

Комментарий: если вы еще не догадались, С выигрывает просто потому, что он искренен, а вопрос его лишен логики. Представьте себе любую реакцию Д. Удивление? Попытки воззвать к здравому смыслу? Признание (упаси боже) в том, что суть вопроса ему непонятна? Нет, ребята, ничего из этого не работает. Вас запомнят только потому, что вы обломались с ответом на вопрос.

Если вы в рамках этой игры захотите задать мне вопрос, к чему это я и зачем тогда я регулярно участвую в акциях

бессмысленной и беспощадной резни интеллекта, я честно засыплюсь с худшим из возможных ответов. НЕ ЗНАЮ.

Дело в том, что вообще-то это довольно смешно. Девяносто три процента времени это грустно, скучно, еще как-то, вообще никак, но процентов семь времени бывает адски смешно. Байки рассказывать не буду. Обойдетесь.

Мы слушаем одиннадцатый доклад, я рисую чертиков в тетрадке, Марселла терпит – я еще и пинаю ее стул. Я так успокаиваюсь. Иначе я могу пнуть стулом докладчика.

(Жалко, что Райдера здесь нет. Нет, не потому. Потому что если бы он был здесь, у меня не было бы возможности внезапно столкнуться с ним где-нибудь еще.)

Между мной и Марселлой лежит стопка бумаги – это мой доклад. Марселла удивительно мужественный человек, правда, у нее в глазах уже концентрические круги. Ничего-ничего, я придумала, как ее развеселить. Когда суровая женщина в очках провозглашает тему моего доклада, мои имя и фамилию, я пинаю Марселлин стул посильнее, и пока она, беспомощно глядя по сторонам, выходит из транса, я говорю:

– Поддержите оратора, пожалуйста, он выступает в первый раз. Давай, мы в тебя верим, – пинаю стул еще раз и сую ей в руки доклад.

По дороге в комнату она подавленно молчит, а потом трагическим шепотом спрашивает, ЗАЧЕМ.

– Затем что? – говорю я. – Судя по всему, никто из присутствующих не умер. Ты, кажется, тоже.

– Все равно, это было ужааааааасно! (Да, вот именно столько «а».)

– Слушай, – возвещаю я ей, уже лежа в номере на кровати ногами кверху, – было одиннадцать докладов. Так? Так.

– Таааак.

– Скольких докладчиков ты поняла? Эммм, нет, сколько докладов тебе понравилось? Нет, нет, не надо быть ко всем вежливой. Мне нужна сухая статистика.

– Ыыыы.

– Два, ага, я так и думала, – говорю я. – Они понравились всем. По той простой причине, что у них нет дефектов речи и они сами понимают, что говорят. Все остальные Никому Не Интересны. И в данном случае то, что ты попадаешь в их число, не плохо, а очень даже хорошо. Ты читаешь незнакомый текст так же, как его читала девочка, которая собственноручно его написала. Я знаю людей, которые уже надцатый доклад подряд на наших конференциях читают как ты. То есть уткнувшись носом в свои бумажки и демонстрируя публике макушку. И вообще, ты мне наврала. И змеюка мне наврала. С тобой же все в порядке? Ты не бухнулась в обморок и не разбила мне что-нибудь о голову.

Марселла молчит, но по крайней мере больше не всхлипывает.

– Короче, признайся, ты довольна собой, – говорю я и иду

в ванную, потому что мне звонит Райдер.

– Чего тебе? – отвечаю, то открывая, то закрывая холодный кран. Руки, блин, да успокойтесь уже. Сядь. Приди в себя. Начинаешь. Нет, не могу.

– Да так, просто, – говорит он.

– Нет, я не буду кричать «ах, как можно звонить так просто через два года».

– Ой, меня так давно не психоанализировали. Я даже скучал. Никто, понимаешь, не говорил мне, что я скажу через два предложения.

– Даже говорить тебе что-то не хочу после этого.

– Ух ты, – говорит Райдер. – Шах и мат.

– Хватит, – говорю я – На меня упала вся мировая тоска, когда ты позвонил. Мог бы понимать. Как отец?

– Умер.

Видимо, я очень долго молчу.

– Что тебе еще сказать? Прошло два месяца. Я продал вещи. Квартира теперь пустая, не знаю, что буду делать с ней.

– Мне его так жалко, – говорю я и плачу.

– Это самое удивительное. Его никто не любил толком, а все плачут и говорят, что жалко. Я один не могу. Может, попросить у тебя таблеток каких-нибудь, чтобы заплакать?

– Нет у меня таких.

– Ну и хрен с ним.

– Блин, – говорю я, – ну не злись на меня, я не знаю, что еще обычно говорят нормальные люди. Мне жалко. Он

был классный. Он и меня любил. Тоже. Мне иногда хотелось, чтобы он и моим родственником был.

– Нормальные люди не разговаривают по телефону, закрывшись в ванной, – говорит Райдер. – Я потом перезвоню. Пойду напьюсь, что ли.

Я вам когда-нибудь потом про него все расскажу, хорошо?

В такие утра, как следующее, когда все еще спят, когда совершенно обалденная погода и можно идти гулять в парк, остается одно – включать какую-нибудь гитарную музыку (The Kooks мне нравится, ага, оставьте) и многозначительность. Чтобы все это со стороны было похоже на один из фильмов, которые так любят пользователи социальных сетей. Жалко, мой мозг не умеет делать презентации из детских фотографий, это могло бы сюда очень пойти. Много солнца. Там, где я живу, его мало. Редкий случай, когда я чувствую себя совсем как два года назад, когда была молодой.

Я брежу. Выключите меня.

Что я могу вам сказать: сейчас все довольно печально. Хорошо, пожалуй, только то, что я целыми днями лежу пузом вверх – формально меня никуда не выпускают, но мне и самой никуда не хочется, так что это даже и насилием над личностью не назовешь. Я не знаю, правда, стоит ли теоре-

тически проверять состав моей овсяной каши на наличие интересностей. Не удивлюсь, если они там есть – но и это мне понятно, все-таки меня не штормило уже много-много месяцев.

Вы, несомненно, правы – я ухожу от сути, у меня такая каша в голове, что я плохо понимаю вещи. Шторм начался в поездке. Потом мы приехали домой, я имела какой-то разговор с матерью Марселлы, которая, в свою очередь, явилась с гастролей; потом я имела разговор с завкафедры, потом три тысячи раз мне позвонила охромевшая змея, которая так рассчитывала... а я... а она... да она бы никогда... да что она теперь. Все это я помню исключительно плохо, хотя доктор требует подробностей – не дождетса, вскрывать психологические нарывы я лучше буду перед кем-нибудь другим. Разговоры сами по себе не такая уж страшная вещь, но после того, как много взрослых в течение дня на тебя орут, нужно хоть ненадолго отстраниться – если, конечно, твои добрые родители не припасли на вечер важный разговор.

Игра «Взгляд в будущее»

Играют Родитель (Р) / Родители, ребенок. Игра непременно начинается во время трапезы за семейным столом. Для того, чтобы лучше усвоить ее механизм, рекомендуется наблюдать за тем, как хозяева щенят тыкают их носами в лужу на ковре.

Р. (скорбно) По-моему, пришло время поговорить о твоём будущем.

(Опытный ребенок сохраняет молчание столько, сколько может. Ребенок-новичок, выразив недоумение, проигрывает с треском, не начав играть. Следующая часть сценария представляет собой тезисы выступления Родителя, которые одинаково эффективны вне зависимости от последствий. Необходимое и достаточное условие для выигрыша Родителя – проникновенный тон.)

Р. Ну и что ты планируешь делать в жизни?

Р. Все это, конечно, хорошо, но пора бы уже серьезно задуматься.

Р. Времена сейчас такие, что в любой момент все может коренным образом измениться.

Р. Ваши эти игры подростковые пора прекращать.

Р. Я не хочу сказать, что ты ничего не делаешь, нет. Со всем нет. Ты же знаешь, как мы тебя любим. Но (здесь классический вариант игры предполагает перечисление грехов ребенка, начиная с самого раннего возраста)...

Р. Мы хотим как лучше.

Р. Твои увлечения – это прекрасно, но нужно заработать себе на кусок хлеба. А потом уже все остальное.

Р. Никто не запрещает тебе личную жизнь, но на что вы собираетесь жить? (Пара, которая, казалось бы, предполагается местоимением «вы», совершенно необязательно существует в реальности. Для Родителя это всегда мнимая еди-

ница.)

Р. Да пойми же ты, никто тебе ничего не запрещает. Вот чем ты хочешь заниматься? (Пауза до трех секунд.) Видишь, ты даже не можешь сформулировать, чего ты хочешь.

Р. Мы по-прежнему желаем тебе только добра.

Я придумываю эту игру, проваливаясь в сон. Понимаете, я ведь и так уже была на взводе. И хотя я опытный игрок, в какой-то момент я беру вазу (я давно говорила, что из квартиры надо убрать все быющиеся предметы), выпускаю ее из рук и иду к себе в комнату. Я чувствую себя злой. Видите ли, мы договаривались, что я буду себя контролировать. Мы договаривались, проще сказать, что я буду вести себя благопристойно даже тогда, когда у меня разболелся зуб или когда мне просто хочется понуть о жизни, или когда мне попался плохой вопрос на контрольной, или когда я с кем-то повздорила. Причем я не могу просто промолчать, я обязательно должна устроить шоу степфордской жены, сиять двадцатью восемью зубами (больше у меня пока нет) и рассуждать на темы позитивного отношения к жизни. Иначе у родителей стремительно обостряется паранойя, и я с пинка отправляюсь к врачу. Понимаете, в чувствах семнадцатилетней девушки может разобраться только специалист.

И я не могу сказать, что я не привыкла. Наоборот, когда я бессмысленно пялюсь в потолок, единственный вопрос у меня в голове – куда все делось? Все же было так хорошо,

и я поразвлекалась вдоволь, и у меня было достаточно сил, чтобы высмеять десяток озверевших взрослых и пойти себе дальше.

Завтра надо будет подумать на эту тему. Успею сформулировать и выкинуть из головы до встречи с женщиной моей жизни в его личном кабинете с ремонтом, осуществленным (цифры приблизительные, но все же) за счет моей разнообразной симптоматики.

Кушетка, ч.1

П. (пишет что-то в блокноте)

п. (смотрит на П.)

П. (продолжает писать в блокноте)

п. (некоторое время изучает потолок, потом книги на полке, потом свою обувь, потом пол)

П. (с надеждой, что эксперимент идет к концу, продолжает писать в блокноте)

п. (подумав немного, достает из сумки блокнот и начинает в нем писать)

П...

Кушетка, ч.2

П. Чего вы хотите в данный момент?

п. Вот есть как-то очень хочется.

П. А более глобально?

п. (осматривается) Насколько более?

П. Ну, скажем, не в пределах данного момента. Что бы доставило вам удовольствие?

п. А насколько глобально?

П. Как вам угодно.

п. Нет, я просто пытаюсь измерить степень глобальности новой куртки. Это глобальнее, чем еда?

П. Пожалуй, да.

п. А по-моему, нет. Без куртки прожить можно. А без еды как-то не получается. Так что пойду поем.

Впрочем, действительно меня может порадовать Марселла. Но почему-то не радуется.

– Ты же умеешь разговаривать, – напоминаю я ей по телефону, лежа кверху ногами на кровати.

– У меня в-в-возможности не было.

– Ч-ч-чего у тебя не было? Может, змеюка бы злиться на меня перестала, если бы из тебя что-нибудь получилось.

– Так у нас девочки постоянно отвечают.

– В топку девочек. А хотя что за девочки?

Когда-то я провернула на своих однокурсницах такой номер – прислала им ссылки на псевдоконкурс интернет-красавиц. Дедлайн голосования (случайно?) совпал с окончанием семинара, на котором мне нужно было ответить, чтобы меня

не отправили на повторный курс. Поэтому пока они дома с выпученными глазами строчили комменты в свою поддержку, я разливалась соловьем целую пару. Сейчас, правда, у нас на факультете вай-фай, поэтому еще раз номер не пройдет.

– Я зато контрольную на семьдесят написала, – застенчиво говорит Марселла, – а все остальные на восемьдесят.

– По барабану, как написали остальные. Когда ты будешь писать на девяносто, а все остальные на сто, вообще никакой разницы не будет. Списывала?

– Списывала, – довольно говорит она. Повисает многозначительная пауза.

– Давай рассказывай уже, что не так.

– Все так, – говорит она. – Алиса, это не то, что ты думаешь.

– О господи, – говорю я. – А что это?

– Ну... Ну, то есть я слышала, как вы разговаривали по телефону, и мне стало интересно, как он выглядит. Потом на вокзале, уже здесь, ты их увидела вместе и расстроилась.

– Если ты так же связно контрольную написала, я удивляюсь, как у тебя вообще выше плинтуса что-то получилось. Наблюдательная ты моя.

– Н-несмешно, – говорит Марселла сурово, – а я за ними пошла и проверила. Никакая это ему не баба. Родственница. Не расстраивайся.

– И вешает трубку.

И что, спрашивается, мне делать с этим маленьким Фран-

кенштейном, который все замечает?

Верный признак честности моих родителей, которые ничего не сыпят мне в еду – это то, что мне снится цветной сон, в котором я даю пресс-конференцию толпе журналистов с микрофонами.

Почему бы вам не покончить с собой?

А что я потом буду делать?

А уйти из дома, например, вы не пробовали?

Пробовала.

Что же вам помешало?

Я передумала.

Или, скорее, я вытащил тебя из автобуса, – говорит Райдер, который почему-то сидит во втором ряду.

Хоть тут ты можешь оставить меня в покое? Тоже мне боец за правду.

Скажите, вы не пробовали альтернативные методы лечения?

Это какие, урилотерапию, что ли? Я пробовала гипноз.

Он вам не помог?

Помог, – сообщает Райдер, сверкая глазами, – просто она его боится, потому что начинает всех прощать. А когда она начинает всех прощать, внезапно появляются старые знакомые, которые почувствовали, что их простили. И это, видите ли, очень страшно.

Отстань. Дело совсем не в этом. Дело в том, что сначала

мне помогало, а потом я стала выпадать во время сеансов, и это очень неприятно, как будто ты спишь – а тебя кто-то пинает в голову.

На этих словах я тяжело и резко просыпаюсь, как будто меня действительно кто-то пнул, а когда я опять засыпаю, мне снится, что моя кровать – вместо задней парты в одной из наших университетских аудиторий. Я открываю глаза – я лежу под своим одеялом в своей пижаме, а вокруг сидят мои нормально одетые одногруппники, а преподаватель говорит:

– О, Алиса, вы проснулись, присоединяйтесь к нам. Мы обсуждаем термоядерность Джойса.

– Мне все равно, что вы обсуждаете, – говорю я, – вон все из моей комнаты. Развели тут мусорку. Вызовите моего шофера кто-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.